

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
К59

Художественное оформление серии А. Харитоновой

Издание осуществлено при содействии
литературного агентства Vanke, Goumen & Smirnova

Козлова, Марина Валерьевна.

К59 Бедный маленький мир. Книга 1. Перспектива цветущего луга / Марина Козлова. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-103025-4

Крупный бизнесмен едет к другу, но на месте встречи его ждет снайпер. Перед смертью жертва успевает произнести странные слова: «белые мотыльки».

За пятнадцать лет до этого в школе для одаренных детей на юге Украины внезапно умирает монахиня, успевая выдохнуть единственные слова испуганной воспитаннице Иванне: «белые мотыльки».

Странное совпадение между гибелью известного бизнесмена и почти забытой историей из детства заставляет Иванну начать расследование, в ходе которого она узнает о могущественной тайной организации. Ее члены называют себя «белыми мотыльками» или «проектировщиками», со времен Римской империи они оказывают влияние на ход мировой истории. Иванна понимает, что тайны ее собственного прошлого содержат ключ не только к личному спасению...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103025-4

© Козлова М., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Если имею дар пророчества,
и знаю все тайны, и имею вся-
кое познание и всю веру, так
что могу и горы переставлять,
а не имею любви, — то я ничто.

*(1 Послание к Коринфянам,
глава 13)*

**Памяти моего дедушки
Александра Григорьевича Алексеенко —
лучшего в мире друга и собеседника**

• ЧАСТЬ 1 •

ИВАННА

В преддверии тридцать первой зимы, развивая сентябрь как тему, которая кончится к пятнице, я все чаще думаю о маленьком платане (чинаре) с мохнатыми шариками, свисающими на длинных стеблях (ножках?), на развилке асфальтовых дорог, под солнцем не жарким, а отстраненно-теплым, как тубус-кварц в детстве: сквозь желтеющую (точнее, она становится осенью коричневой) чинару просвечивает высокое голубое небо, которым надо дышать, пока оно еще такое. Вечный берег, прозрачная вода, в которой видны длинные пушистые краснобурые водоросли, маленький крабик, убегающий в расщелину, ракушки мидий и тонкое зубчатое колесико какого-то механизма, вращаясь против часовой стрелки, уходит в глубину...

Летом кожа горячая, соленая, пахнет солнцем. По ногам легко хлопает длинная упругая трава, мы карабкаемся к теплице, которая живет под отвесной скалой вполне самостоятельной жизнью: старая, с загадочными голубыми материками в местах отвалившейся штукатурки, с фатальной трещиной в фундаменте — там уже растет молодая глициния. «Этой осенью надо обязательно застеклить теплицу», — говорит кто-то из взрослых, и все соглашаются. Тогда я выращу там гербе-ры и лилии, болотные ирисы и барвинок... Надо мной смеются: «Да вокруг Зайчика барвинка этого — хоть коси его!»

«Где барвинок?» — кричу я и бегу к фонтану «Зайчик», а там — где были мои глаза раньше? — ковер из барвинка, как у бабушки в саду.

Диковатого вида барельеф — зайчик с ярко выраженной базедовой болезнью, смотрит на меня, и из его рта вяло стекает струйка воды. В голове у зайчика дырка — я вставляю туда свой безумный букет из цветов и веток и смотрю вверх. Никогда небо не кажется таким высоким, как тогда, когда смотришь на крону лиственниц.

* * *

— Сущность самоопределения заключается в следующем: тому, кто осознает кратковременность жизни, оно вовсе и не нужно. Если ты воспринимаешь жизнь как беговую дорожку, дистанцию, то надо бежать. Ну, идти.

Иванна в упор посмотрела на этого третьекурсника и сказала:

— Вы так не пройдете.

Но его не так-то просто было сбить. Он поднял бровь и сказал:

— Я уже собирался ввести понятие пространства существования.

— Нет, — сказала Иванна.

— Я попробую.

Этот юноша в белом свитере и в зеленом, несколько коротком ему шерстяном пиджачке был твердо намерен довести мысль до конца.

Иванна пошевелила ногой в тонком кожаном ботинке. Почему-то ныл сустав. И было невыносимо холодно в большой аудитории. Чего он упирается?

— Вы выстраиваете неправильную последовательность. Зачем вам эти оппозиции: жизнь — самоопределение, линейность —

пространственность. Только что появилось существование. Все это к самоопределению не имеет никакого отношения. И нет понятия пространства существования. Есть категориальная пара пространство-время. Вы Аристотеля читаете?

— Читаю, — отстраненно сказал он и стал смотреть в окно, в сумерки, где строго напротив, в серой «хрущевке», зажглось кухонное окно с будуарным кремовым ламбрекеном, там был оранжевый абажур с кисточками и бело-красный набор специй на стене. Иванна машинально проследила его взгляд и почувствовала плотную и мягкую волну чужого уюта: седая женщина в зеленом с крупными турецкими «огурцами» фланелевом халатике, надев очки, озадаченно заглядывала в кухонный шкаф, доставала с верхней полки трехлитровую банку с какой-то крупой, махала рукой в глубь слабо освещенной прихожей.

Читает он Аристотеля. Все они говорят, что читают Аристотеля и Платона, и даже помнят наизусть изречение Анаксимандра о вещах — по-русски, по-немецки и на древнегреческом — штрих-пунктирный след прошлогодних хайдеггеровских

семинаров. А когда нужно построить собственное размышление — рвутся за границы категориальных схем так, будто им дышать нечем, и не понимают, что именно там, за этими границами, и есть самое настоящее безвоздушное пространство. «Я так думаю», — ответила себе Иванна на свой же мгновенный вопрос: «Откуда ты знаешь?»

«Я так думаю и, по-видимому, думаю неправильно».

— Ну и читайте. Вам сколько лет?

Мальчик задумался, и Иванна рассмеялась.

— Бедный вы, бедный. Совсем я вас заюкала.

Он тоже наконец улыбнулся.

— Двадцать. Было в сентябре.

— Очень хорошо, — похвалила его Иванна. — Вот до двадцати одного года читайте Аристотеля и будьте счастливы. В двадцать один год получите право избирать и быть избранным, а также строить все и всяческие понятия.

Он задумчиво пытался подцепить какую-то ниточку на лацкане своего пиджака.

Нет, все-таки нехорошо мучить людей, особенно таких молодых, пытаться встроить их в свою дидактическую схему, наверняка не самую эффективную. Дух дышит, где хочет, само собой. Она говорила им о самоопределении, и его это задело, и он, наверное, ходил и думал, вместо того чтобы дрыхнуть в наушниках или мирно курить траву с друзьями на чужой кухне, где стены расписаны кислотными красками от пола до потолка. Иванна знала, как это бывает, когда начинаешь думать о чем-то, что не имеет отношения к жизни здесь и теперь — то есть не о деньгах, не о сексе, не о еде, карьере, больном зубе и протекающей трубе под раковиной. Начинает ныть тело. И чувствуешь тихий внутренний гул и догадываешься, что это кровь шумит и движется. И садишься всегда в одном и том же месте — с нормальной точки зрения в одном из самых неудобных мест, на пол между балконной дверью и письменным столом. Но сначала, прежде чем сесть в любимом углу, Иванна переодевалась, снимала махровый халат, надевала старые черные джинсы, шерстяные гетры с черно-красным закарпатским орнаментом и длинный синий свитер. Она смогла бы объяснить, поче-

му так одевается, хотя, безусловно, это было бы странное объяснение: иногда в какой-то момент почти неподвижного сидения в позе, когда голова помещается между согнутыми коленями, ей начинало казаться, что надо встать, одеться, зашнуровать черные кожаные ботинки, надеть куртку с капюшоном, выйти из дому и идти куда-то, где предстоит тяжелая и достаточно пыльная работа. Не потому что хочется, а потому что в этом есть странная, но, безусловно, осознанная необходимость.

Острота длинной мышечной боли и нарастающее гудение во всем теле от полного бессилия перед необходимостью не просто понять, что нужно делать, а сделать это, через несколько часов становятся привычными — привыкают же люди к тяжелым физическим нагрузкам, невесомости, давлению атмосфер... В комнате темнеет, и единственное, что она выносит из этой очередной сессии жесткой сосредоточенности и странной грусти, это понимание того, что есть, по-видимому, две формы существования (а сама ругала студента за одно только упоминание существования). Первая — общеупотреби-

мая, ей, Иванне, не хочется ее квалифицировать, хотя там, конечно, есть много подвидов и модификаций, и вторая, когда стремишься иметь дело только с подлинными вещами, с настоящими, имеющими внутренний смысл.

Постольку-поскольку приходится жить в мире, где главным искусством для нас является имитация, подобное желание вполне осмысленно, но мало кому придет в голову всерьез практиковать такой подход. Именно это желание заставляло ее все время находиться как бы в охотничьей стойке, как гончей, выслеживающей птицу, — в состоянии внутренней упругости и молчаливого терпения.

Студенты постоянно рассматривали ее, как некое существо. Они, наверное, чувствовали в ней какую-то тайную асоциальность — она была безразлична к нормативным житейским сценариям, даже лучшим из них. Она, разумеется, старалась держать окно в другой мир; они, конечно, этого не понимали, но непосредственно (интуитивно) воспринимали ее так, как воспринимали бы говорящую игуану, которая случайно (от сырости) завелась в аудитории, или как если бы

Иванна прилетала на лекции на метле и как ни в чем не бывало, пересаживаясь с нее в преподавательское кресло и щелкая замочком черного кожаного портфеля, говорила: «Начнем, пожалуй»...

Самое главное, что они в конце концов слушали ее.

* * *

«Лучше бы я эмигрировал в Новую Зеландию, спал бы там в гамаке и пил портер по вечерам...» — вне всякой связи с предыдущими своими мыслями, вообще неожиданно для себя подумал человек, сидящий в глубоком зеленом кресле. Он отражался в стеклянной дверце шкафа напротив, а в каждом стекле его очков отражался, в свою очередь, весь шкаф и часть комнаты — он видел это в отражении. Он сидел и держал в руках телефон, который сообщал ему, что «абонент недоступен». Только она ему может звонить, он ей — нет, она вне зоны связи. И в ее гостинице в этом захолустье не работает стационарный телефон. Сломался.

Он казался себе смешным, хотел расслабиться — и не мог. Сейчас она позвонит, по-